

ВАЛЕРИЙ ПЕРЕЛЕШИН

ЗАПОВЕДНИК

Седьмая книга стихотворений

ВАЛЕРИЙ ПЕРЕЛЕШИН

ЗАПОВЕДНИК

ВАЛЕРИЙ ПЕРЕЛЕШИН

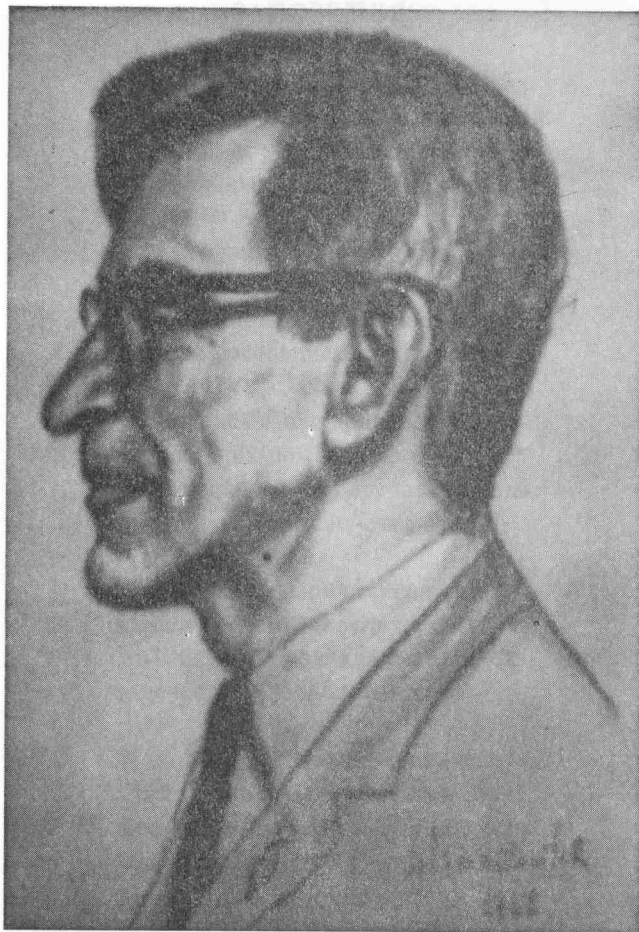
ЗАПОВЕДНИК

Седьмая книга
стихотворений

1 9 7 2

© by V. Pereleshin, 1972

Printed by Possev-Verlag. V. Goradchek KG.
Frankfurt/Main

ВАЛЕРИЙ ПЕРЕЛЕШИН

ЗАПОВЕДНИК

Стали все врагами грез последних,
кружевных, пленительных обманов.
Лишь у нас устроен заповедник
для больных и раненых туманов.

Им, ненужным, хилым и заблудшим,
опоздавшим века на четыре,
есть ли место в этом наилучшем,
в этом улыбающемся мире?

Разрослись у нас большие сосны,
панцырь их почти непроницаем.
Понапрасну к нам стучатся весны:
мы чужим ворот не открываем!

Наши сосны вырядились в иней,
выпал снег по закоулкам сада.
Мы пасем в прохладе бело-синей
нежное взволнованное стадо.

И напрасно жадным и горячим
стало солнце — не добьется толку!
Все равно ведь мы овец спрячем
и дорогу загородим волку.

БРАЗИЛЬСКАЯ ВЕСНА

Бразилия не знает весен:
спадет холодная волна,
и сразу зной — тягуч, несносен,
а по календарю — весна.

Таким уж вырос я уродом,
что в самой солнечной стране
припрятаваю год за годом
мой сон о северной весне.

Ручьи . . . Но нет ручьев проворных
в моем тропическом саду:
я даже на вершинах горных
снежинок-смертниц не найду!

Поля — зеленые атласы
и бархат неба голубой . . .
Налью себе стакан «кашасы»
и, чокнувшись с самим собой,

я выпью, загадав желанье,
за неосуществимый год,
за старое правописание,
подснежники и ледоход!

ПЕРСТЕНЬ

Друг, меня осчастливьте,
примите перстень с гербом:
в поле червонной финифти
пушка с упрямым лбом.

Не громыхает армата
вторые полсотни лет.
Ни у меня, ни у брата
сына — нет.

М О Л Ь

В силок, под стрелы световые,
под абажур, в янтарный круг
попали книжки записные
и недосужий мой досуг.

Я сам еще не знал, чем вышью
лист, ослепленный добела,
когда наперерез двестишью
ночная моль переползла.

Союзница! Я рад затишью:
моль улизнула со стола,
и я юркну проворной мышью
туда же, в непроглядь угла.

Ведь там, где сумраки ночные
и в бархат кутается звук,
нас не найдут персты тупые
итоги подводящих рук!

АНГЕЛЬСКИЙ ЯЗЫК

Алексису Ранниту.

Песок. Плитняк. За пережат пологий
Заносится холодная волна:
Вздывается и падает она
Гекзаметром старинных антологий.

Ее напев, медлительный и строгий —
Небесный бред, мерцанье полусна,
Когда в луну высокая сосна
Вонзается, как вензель остророгий.

Погибнет ли мелодия вдали,
Купальница *) затоптанной земли,
Привыкнут ли и правнуки к потере?

Иль воздана сторицей боль утрат,
И ангелы на пламенной Венере
Дифтонгами эстонцев говорят?

---

*) Купальница — kullerkupp — Trollius Europaеus — национальный цветок Эстонии.

ВЕРХОВЬЯ

Ночь. В расселину снов
шелестит пианино
томной музыкой слов:
clandestino — destino,

подвесной — и весной,
неревнивой — и нивой,
показной — и казной,
несчастливой — и сливой.

Это — робкий почин,
вдохновений верховья,
раньше синих глубин,
широты, многословья.

Это — ощупь реки,
обходящей откосы,
камни и островки,
камышевые косы.

Дальше зыбкая нить
чуть намеченной фразы
будет нежно гранить
самородки-алмазы.

СОНЕТ

Певец поет, но зал глухонемой
Услышит ли призыв его ненужный?
Или слепой над россыпью жемчужной
Пленится ли сверкающей игрой?

Я — как цветок, влюбленную мечтой
Стремящийся за солнцем в полдень южный;
Как тень твоя, всегда с тобою дружный,
Мечусь, пляшу, гоняясь за тобой.

Но голос ли пленит тебя? Напрасно
Гелиотроп за солнцем рвется страстно
свершить его великолепный круг.

Напрасно тень изнемогла от пляски,
И жемчуг ли дождется беглой ласки
От маленьких, неторопливых рук?

В О З Д У Х

Стихи рождались каждый час
без осязаемых усилий,
пока жила в груди у нас
хоть капля воздуха России.

Не капельку, а целый мех
мы вынесли на человека:
хватило воздуха на всех,
на все края, на все полвека.

Осталось на один прием:
исчерпан воздух забайкальский
и нынче я со словарем
пишу стихи по-португальски.

ТОЧИЛЬЩИК

Вот, наконец, и убрана,
бесследно снесена
последняя зазубрина,
дурная косина.

Настойчивый, оглядчивый,
спасай добро мое,
старательно оттачивай
стальное лезвие.

Не с той же ли оглядкой
ремесленник-поэт
воюет с рифмой шаткою,
просящейся в сонет?

Выравнивай, обтачивай
углы черновика,
сто раз переиначивай,
чтоб резала строка,

чтоб дева большелобая,
одна из умных муз,
клинок хвалила, пробуя
на ошупь и на вкус!

ПРОЩАНИЕ

Что наша жизнь? Лишь облаков паренье.
Что наша встреча? Мнимый их союз.
Нас разлучит короткое мгновенье,
причуда бури, несогласье муз.

Не для меня насущные заботы
и хороводы сумеречных вьюг —
меня влекут большие перелеты
и журавли, летящие на юг.

Я полечу уверенно, как птица,
но ты себе удачи не пророчь:
у славы гостя ты, а не жилица —
как бабочка, ты возвратишься в ночь.

РАСКАЯНИЕ

Любимый лик. Знакомый голос ровный
Учителен, суров, невозмутим:
— «Опять иду Я на распятие в Рим,
А ты куда спешишь, первоверховный?» —

О, жгучий бич, грядущий гнев церковный!
Пронзительным раскаяньем палим,
Пошел и я за Господом моим,
Чтоб договор возобновить любовный.

Я снова здесь, вернувшийся злодей,
Но кесарь спит, и дома нет судей,
Ни стражи нет, ни ликторов крикливых.

Владыка мой, схвати меня, распни,
Прими в число прощенных и счастливых,
Или, Или! лама савахфани!

В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Невидным огоньком — короче,
чем спички выкрик и скачок,
через пустую пущу ночи
перелетает светлячок.

Бессонные зывают совы,
зловеще шепчут пустыри...
Лгут бесполезные засовы
на выходной моей двери.

С волнами мрака нам не слиться,
миг, — и должны мы выпасть прочь:
без нас придя, без нас продлится
всё та же медленная ночь.

КОЛОКОЛЬНЫЙ ЗВОН ИЗ РОССИИ

К вещаниям радиостанций
про замыслы и про дела
я глух, но любят чужестранцы,
когда поют колокола.

Когда чистейший, безнадломный
над смутной ходит головой
Россия — колокол огромный
набатный или вечевой.

Счастливой добровольной данью
в ответ я жадно предаю
навстречу твоему зыванью
грудь беззащитную мою.

Запретный и самодовольный,
бесчувственный к моей любви,
Звенигород мой колокольный,
завейся звоном и зови!

ПАРУСА

Упоенно и безмятежно
над цветами вьется оса.
Я смотрю со скалы прибрежной
на далекие паруса.

Это зависть? Сердце очистив,
огляжусь. Небосвод высок.
Изумруды травы и листьев.
Под ногой — золотой песок.

Я не нищий. Так пусть в далеком
обаянии широты
пробегают робким упреком
чьи-то мачты. Мои мечты.

КОЛЬЦА

Одно кольцо мне подарила леди,
как двух сердец нетленное звено,
но скрыл кольцо ларец из красной меди,
а леди дремлет в памяти давно.

У ювелира я купил другое —
с эмблемой счастья, иероглифом «фу»,
но счастья в мире нет, и нет покоя,
так пусть кольцо спокойно спит в шкафу.

Я слишком сух и строг для наважденья,
бессильно, кольца, ваше колдовство,
но как незначашее украшеньё
я тоже не ношу вас — оттого,

что больно мне, небывшее тревожа,
будить невоплощенную мечту,
и два кольца хранят одно и то же:
разочарованность и пустоту.

УСТРИЦА

С песчинкою в теле устрица —
жемчужница поневоле —
беззвучно на дно опустится:
не всем же кричать от боли.

Так я от горя огромного —
с пробитой броней моллюск —
на бархат забвенья темного
ползу, ускоряя спуск.

НИКОЛИН ДЕНЬ

Изначальный наш календарь
опрокинут словесной смутой:
обрядился *сьчень* в январь,
февралем обрядился *лютый*,

мартом — ветренный *брезозол*,
тот, что вечером дергал ставень;
травень мой в апрель перешел,
травянистый преющий *травень*.

Были: *цвътьень* — цветочный май,
червень — пышный июнь червонный,
липень — липовый мед снимай,
серпень — серп неси заостренный.

Верткий *вересень* веретен
сентябрем называть не надо!
Жолтень — листья желтей, чем *лен*,
до ноябрьского *листопада*.

И, когда в Россию пишу,
зной декабрьский бразильских будней
осмотрительно приглушу
снежной датой: шестого *грудня*.

НАИТЬЕ

Перехватит дыханье спазма:
возникнет следом за ней
первый замысел — протоплазма
раньше листьев и корней.

Дальше — злые водовороты,
мистраль, сирокко, самум:
звуки, слоги, гаммы и ноты,
жар и холод, гул и шум.

Где предел чужому раздолью?
Но под слоем тины густой
уж сверкает прощенной болью
устоявшийся отстой.

ЭНТОМОЛОГ

Он любит жуков и ос,
и гусениц терпеливых,
и бабочек, и стрекоз
беспечных и шаловливых.

В их зелень и синеву
влюбленный, в задоре бойком
шагает, топча траву,
по муравьиным постройкам.

И в мягкий альпийский час,
живым умиленным миром,
впадает в томный экстаз.

А пальцы пахнут эфиром.

ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР

Последний ушел собеседник,
надвинулась ночь, как ледник.
Я в мой ухожу заповедник —
в гарем непрочитанных книг.

Сиамский престолонаследник,
кого изберу, окружен,
из тысячи девственных жен?

ЗЕРКАЛО

Твое лицо недвижно, словно слепок,
но по зрачкам, где искорки огня,
я угадал, как искренне, как слепо,
как безраздельно веришь ты в меня.

Да, это мне, насмешливому богу,
за тонкую и вкрадчивую ложь
всю чистоту души, по-детски строгой,
как лилию, ты кротко отдаешь.

Но я не рад моей добыче свежей:
ни твой горящий восхищеньем взгляд,
ни твой зевок — из подраженья мне же —
меня совсем, совсем не веселят.

Кровь сонную одним тщеславьем грея,
смогу ли скуку выгнать из нее?
А ты — прекрасней Дориана Грея,
но все же только зеркало мое!

БРАЗИЛИЯ

Дожди скуповатые
становятся летними,
а травни лохматые
пахучими цветнями.

Звана запевалами —
пичужками малыми,
вся разноголосица
ворвется — не спросится.

Бразилия звонкая,
свирель перевозданная,
жалейка ты тонкая,
возня барабанная.

Дай Бог тебе здравия,
Страна моя Травия,
на тысячелетия,
земля моя Цветия!

БОЛЬ

Боль переплеснет за черту,
но смерть от того не ускорится:
так стой часовым на посту,
раздумница и стихотворица!

Я сердцем тебя обниму,
и кровь никуда не запросится:
в больницу сойдет и тюрьму
серебряная дароносица.

АЛЕЙЖАДИНЬО

Жил в сердце продавца реликвий
престольный праздник — а пока
он радовался каждой тыкве,
солдату проданной с лотка.

Лазурь, деревьями плантаций
изорванная на клочки,
шла на закате обмываться
прохладой меркнувшей реки.

Потом, раздвинув покрывала
двух субтропических стихий,
деревня мирно почивала
на белом лоне литаний.

Пока судачили трещотки —
насельницы монастыря,
лучом перебирала четки
за них вечерняя заря.

Здесь, брошенный в поселок сонный,
казался пришлым и чужим
мулат, ваятель прокаженный:
виденьем страшным одержим,

Мир ссадин и кровоподтеков,
мир осьминогов и акул
он втискивал в черты пророков,
в нагроможденье жил и скул,

кощунством безысходной муки,
безличным холодом судьбы
сводил заломленные руки,
насупливал крутые лбы.

УЧЕНИК

Потрясал непугавшей тростью:
не чуди, не зевай, не мешкай!
Взять хотел то притворной злостью,
то незлой, посильной насмешкой.

И ушел, потеряв терпенье:
предал юношу своеволью
в раскаленном котле, в кипеньи,
в той свободе, что стала болью.

А теперь — крылатый, готовый,
для чего-то ждет не дождется
ученик — и сам седобровый —
что умерший к нему вернется.

ВТОРОЕ ЗРЕНИЕ

Как Пифагор, я верил внятным числам,
разумным крыльям верил, как Дэдал,
и, зачарован ясностью и смыслом,
свой разум взращивал и утверждал.

Мой безупречный мир и строг, и ладен,
я в нем царю, я властвую легко.
Но знаю: будет скипетр мой украден
и за-морем затерян далеко.

В такие дни, как этот... Сердце сжато,
чуть бьется, пленное в руке врага.
В такие дни глаза мои куда-то
косят за зрительные берега.

Врываются в подвал второго зренья,
ломая строй заботливых вещей,
почти невидимые привиденья
унылых многоножек и мышей.

Весна и ветер, нервы не в порядке,
глаза болят — перемену очки.
А всё же в зеркале играют в прятки
стрекозы и сквозные пауки.

МУХА

Несвоевременные, как всегда,
осенние настали холода.

Сиротка-муха, жалобно звеня,
весь вечер увивалась вокруг меня,

На освещенной плоскости стола
не сахару искала, а тепла;

Свой — не по адресу — твердя вопрос,
садилась на руку, на лоб, на нос.

Неумолим и наш мушиный свет, —
в таком же мире мечется поэт:

не лебедем и даже не сверчком
предсмертно плачет тонким голоском.

А мир, закутавшийся в мех и пух,
ворча, отмахивается от мух.

Так, не узнав первопричины зла,
упала муха — или заползла —

в почетнейшую из земных могил:
чернильницу с остатками чернил.

НА БАШНЕ

Когда-то, прячась от толпы,
ее волнения и страхи
обменивали на столпы
уже прозревшие монахи.

Вот так и я стою спиной
ко всем Россиям и Европам,
к эпохе шумной и шальной —
отшельником и мизантропом.

Я заперся на семь замков,
чтобы следить невозмутимо
за перебежкой облаков
над головой, но мимо, мимо...

Я, право, счастлив без гостей,
без пересудов общежитий,
без запоздалых новостей
и бесконечных чаепитий.

ПОЖАР

Загорелось чье-то жильё, —
чепуха, пустые слова!
Ведь больше болит свое:
ухо, зуб, десна, голова.

Утонул в колодце Ли Бо, —
но ведь это было давно,
а нынче племя ибо
разве нами истреблено?

И согнали совсем не мы
постояльцев большой тюрьмы
на льды реки Колымы
в заповедник вечной зимы.

Догорел пожар и погас, —
неурочный второй закат!
Но, к счастью, каждый из нас
глуховат и подслеповат.

МАСКОТТЫ

Елисавет Георгиевне
фон-Ульрих.

Петух и Конь, Кабан и Заяц,
Тигр и Змея, Овца и Пес —
по четким рубрикам китаец
течение годов разнес,

Чтоб каждому своей маскотты
черты достались навсегда:
одним — работа без охоты,
другим — успехи без труда.

Одним — отвага, необычность,
другим — измятые бока.
А я живу, скрывая бычность,
хотя родился в год Быка.

Я быть бы должен быковатым,
коровистой — сестра-близнец.
Людей расставив по квадратам,
уж не ошибся ли мудрец?

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ

Когда он пел, бездумный Дионис,
О даре лоз и витьеватом хмеле,
Главы дубов приветливо шумели,
И лжи своей стыдился кипарис.

Когда же он предстал в сияньи риз
Нежней снегов, как агнец от купели,
Латинские органы загремели,
Зовя во мрак, в таинственнейший низ.

Столетиям забвенным современник,
Вечерний жрец, авгур, первосвященник,
Он, поступью — миродержавный Зевс,

С той высоты, где свет одно со мраком,
Глаголющий величественным знаком,
Вневременный, последний василевс.

ГОРОДА

Тийне Раннит.

Застыл в аду ледовитом
потерянный ветра стон:
бегут по дальним орбитам
Нептун, Уран и Плутон.

Последним полоскам света
упасть и на них дано:
тоска безысходна эта,
а Солнце только одно.

Стокгольм, Лиссабон, София,
земные все города —
изгнанье, периферия,
граница духа и льда.

Но к их изломанным аркам,
к их базиликам нагим
доходит с небес подарком
бессмертное солнце — Рим.

НАПОМИНАНИЕ

Только одно мгновенье:
будтодохнул шеол.
Чье-то прикосновенье.
Судороги. Укол.

«Воля Твоя Господня!»
И старичок опять
дальше бежит: сегодня
кассу закроют в пять.

Вечер облезло-мутный,
тусклое серебро.
Лазарь полуминутный
пенсии ждет в бюро.

МЫ ПЛЕТЕМ КРУЖЕВА

Моей матери.

Мы плетем кружева
из вечерних мечтаний —
нам покорны слова,
прирученные лани.

То блуждают в садах,
то взбираются в горы:
золотые узоры
возникают впотьмах.

В заколдованном гроте
мы вдвоем погрустим,
а потом улетим
на ковре-самолете.

Или, может быть, ты
синеглазой ундине
заревые цветы
отвезешь на дельфине?

Станет легкая ложь
нашей сказкой послушной;
этот мир нерадушный
слишком он нехорош!

Ничего нам не надо,
лишь бы только даны
были сердцу в награду
кружева тишины.

ХОЛОДНАЯ НОЧЬ

Весь вечер дрожу от ветра
(волчком, чуть выше стола),
в сугробах ритма и метра,
на глетчерах ремесла.

Нездешние их восторги
шелками не испе́стрят:
вот так покойники в морге
покорно ложатся в ряд.

Попозже я тоже лягу,
но на белизне бюро
оставлю дрожать бумагу —
моей нищеты добро:

Ах, если бы за ночь вышил
узоры на ней мороз,
и между нарциссов вышел
кружок распаленных роз!

ОРХИДЕЯ

Юрию Иваску.

На ветру уже не завертится,
как, бывало, в речной долине,
орхидея — томная смертница
в узкогорлом старом кувшине.

Орхидея — лживо-тигровая,
лепестки — подделка сиреней,
а по ним — насечка багровая,
крап и опийный дым курений.

Магдалина еще не кается:
в темноте встает орхидея,
и, нагая, плясать пускается
бесноватая Саломея.

К утру — смерть ли ее, свобода ли
от опеки надбитой глины,
но трофей саломеин отдали
руки никлые Магдалины.

ИДИЛЛИЯ

Из волокон облачных лепятся
башни, фениксы, поезда:
то сцепляются, то расцепятся,
то рассеются в никуда.

Но в низины сойдем пологие:
там подходит море ползком
и обломки — уже немногие —
золотым заносит песком.

Проплывает морская лилия
за прибрежной белой каймой:
здесь когда-то была Бразилия, —
я недаром рвался домой.

Здесь когда-то, успехом хвастая,
пели звонкие голоса:
разлетались в дали глазастые
птицы, мельницы, паруса.

Но пойдём...

Никого!

Кому же я
свой бросаю поздний призыв?
Побережий полуокружия
искалечил атомный взрыв.

Я пришел из шеола нижнего
изживать пережитки зол,
но ни дальнего я, ни ближнего
на земле своей не нашел.

Буду долго бродить в агонии,
звать во мраке, искать во мгле,
чтобы вымолвить без иронии:
— «Двадцать первый век на земле!

Облака одни — не беседую,
пантомимой увлечены.»
...Это будет — года не ведаю —
после третьей большой войны.

«РАВНИНА»

Анатолию Передреву

Обложка в манихейском стиле:
мрак изначальный, но и в нем
одна из чудотворных лилий
зарделась духом и огнем.

А дальше — юноша красивый
из-под копны шальных волос
кидает миру взор пытливый
и чуть насмешливый вопрос.

Мир подлецов и лицедеев
хрипеть на миг перестает,
и Анатолий Передрев
проходит исподволь вперед.

Пусть ночь над пропастью колодца
накрена глухой стеной,
но Муза пушкинская вьется
над юношей — и надо мной:

ведь оба мы к единой вере
влекомы жребием одним
и на неукротимом «пере»
мы через ночь перелетим.

ШАХМАТЫ

Эммануилу Штейну.

Блики сводят с ума,
в зеркале тени проносятся:
чехарда, кутерьма,
шалая чересполосица.

А с горы — свысока
хвалятся математики,
что потеха занятна,
что совсем не на пятна
делится, а на квадратики
шахматная доска.

ДОМ

Сердце жадно рвалось домой
из темницы, давно несносной,
в удивительный город мой,
в тишину, под вещи сосны.

Возвестив свободу мою,
наконец, засов отодвинут:
в золотом буддийском раю
пусть волнения мои остынут!

— «Ты не хочешь остаться, нет?» —
И глаза, и в глазах тревога.
Но решителен мой ответ:
— «Счастье — север, счастье — дорога.
Там у нас живут журавли:
улетят, а весной — вернуться».

Но глаза иное прочли,
но глаза и губы смеются.
Сердце, сердце! Рвалось, и вдруг
в ненавистном размякло зное.
Даже плен и немилый юг
полюбило оно, ручное!

Или счастье — и ключ, и дом,
и любовь насущнее хлеба?
И прохладно стало кругом,
как под соснами в Храме Неба.

ВЕТРЕНАЯ НОЧЬ

Тихий голос русской Марии
обескрылен бразильской Мартой,
и по долгим полям России —
над ее неуместной картой —

разогретый, шальной, счастливый,
многолиственный ветер ходит,
весь табун свободолюбивый
в оголтелый набег выводит.

Кони ржут, могучи, упрямы:
всё растопчем, смирим, поборем;
задрожат оконные рамы
над Балтийским и Белым морем!

Весь откроюсь насюдам лета,
нежным копьям и жарким дулам,
просижу с огнем до рассвета
и, глухой, оглушенный гулом,

срежу Волгу на половину —
тоже путь к ненужной Голгофе —
и, смеясь, на Двину надвину
ароматную чашку кофе.

ХАЛАТ

Я вечеру рад, как другу,
но больше, чем другу, рад
безмолвию и досугу:
свет, покой, халат.

Мой замкнутый мир безгрешный
под лампой на столе
из ночи вырван кромешной,
тонущей во зле.

Кичится моя постройка:
расхвастался маяк,
что печь у него и койка,
кофе и коньяк.

Но запер ли я калитку?
Ведь ураган крылат,
и сшит на живую нитку
теплый мой халат.

ЗОЛУШКА

О зеркалах золоченых мечтаю,
ты не о те ушибалась углы,
Золушка, зорька моя золотая,
загнанная замарашка золы!

Сестрам-ворчуньям и мачехе гневной
завистью ли озадачить судьбу?
Золушка станет заправской царевной —
солнце на сердце и месяц во лбу!

Завтра за светлой невестой примчится
на скакуне благородный жених.
Мачеха, сестры... Но скучно царице
будет ступать по паркету без них.

Будут вверху сокола, изумруды,
трубы герольдов, кареты, гербы.
Снизу — всё те же сметенные в груды
пыльные тряпки, пеленки судьбы.

Пыльные тряпки, лохмотья неволи —
тайный рычаг чудотворной мечты.
Боль подостынет. Но разве без боли
в счастье поверить сумела бы ты?

ЦЕСАРЕВИЧ АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ

Бьет барабан... Дождемся ли конца
сражениям, разездам, непосредству?
Давно претит суровый нрав отца
отечеству, союзникам, соседству.

О, если бы скорей настал предел
и моему несовершеннолетью, —
почила бы земля от ратных дел,
от виселиц, от понуканья плетью!

Я поскорей вернулся бы домой —
в Москву, чтобы дышать ее святыней:
молился бы, как дед и прадед мой,
с лебедушкой, российской Афросиньей.

Мы стрижены, мы бриты догола...
Меж тем престол пустует патриарший,
и барабан, глуша колокола,
трескучие выстукивает марши.

НА ДАЛЕКОЙ ПАРАЛЛЕЛИ

Лидии Хаиндровой

Весь день (хотел бы их повесить)
чужие дети голоса,
и так не год, не два, не десять,
а более, чем пятьдесят.

Я ставлю маленькие цели,
лелею призрачный уют,
*«но на далекой параллели
по-русски плачут и поют.»*

И, с миром не сживаясь узким,
порой, других не зная слов,
забористым словечком русским
осаживаю крикунов.

И, снова став бесшумной тенью
и двери плотно притворя,
себя готовлю к завершению
напрасной Жизни за царя.

ЭВОЛЮЦИЯ

Тому назад чуть больше века
поэтам критик мял бока:
— В пример берите дровосека
и ямщика, и денщика.

Смиренно кланяйтесь героям:
зима, а нет у них пальто!
Мы наш, мы новый мир построим...
Не важно как, а важно — что́.

Прошло едва ли полтора ста
стремительных, кипучих лет,
и новый дятел часто-часто
выстукивает свой завет:

— К чему нелепые вопросы?
День — денежки, батук, табак,
турусы, росы, босы, русы...
Не важно что́, а важно — как.

КАМЕЯ

Я в чувствах не теряю головы:
оглядчивый, колеблюсь у порога,
и говорят, что все мы таковы,
рожденные под знаком Козерога.

И я не живописец, чей мольберт —
калейдоскоп, а резчик хладнокровный,
гравер прилежный — в сочетаньях черт
приоткрываю замысел условный.

Лазурь и киноварь измучат взор —
сумбурные, взъерошенные пятна:
не лучше ли отчетливый узор,
где цель ясна, гармония приятна?

Мои стихи — не дерзкий ураган,
не вздорные круги водоворота,
а мастером заверенный чекан:
изрядная, отменная работа!

...Единственной, которую люблю,
но имени произнести не смею,
я не эмаль крикливую пошлю,
а строгую, тончайшую камею.

ТУМАН

По утрам белесоватые туманы
и в тумане, словно айсберги, дома,
и безликие химеры и обманы,
равнодушием сводящие с ума.

Лучше-б огненное зарево позора,
где, как мученик, на крест я вознесен,
чем слепые волокнистые озера,
завлекающие в тусклый полусон!

Но, когда уже мы радости не ждали,
вдруг, покорны мановенью с высоты,
расцветали изумительные дали,
голубели небывалые цветы.

И когда изнемогали мы под гнетом
невесомых и кочующих морей,
вырастали за неожиданным поворотом
осиянные пролеты галлерей.

И в просветы заколдованного круга
ты с собой меня на небо позвала:
побежим туда, посмотрим друг на друга
в переполненные солнцем зеркала!

ОЗЕРО

Уткам не надо весел:
озеро — слаще рая.
Мальчик пришел и бросил
камень в него, играя.

Озеро взволновалось
только на миг единый,
зыбью поулыбалось
и затянулось тиной.

ПОДОРОЖНИК

М. С. Рокотову

Пробегающие автомобили
поднимают самумы на дороге,
и плетутся, шлепая по пыли,
ноги грязные, усталые ноги.

На одних заскорузлые мозоли,
волдыри размером с глаз воловий,
а другие скорчились от боли,
а на третьих — росинки крови.

Ни поэт не заметил, ни художник,
что целительным ласковым ложем
расстилается подле подорожник,
жадно мечется под ноги прохожим.

S. O. S.

Долинные певцы не безголосы,
Приёмники расставлены в лесу:
Звенит оса, зовущая осу,
И вместе с ней другие плачут осы.

Коростели свистят: идут покосы,
И больше им не бегать по овсу,
Кричит орел, застывший навесу,
Хрипит кабан, что свиньи супоросы.

Растащена по ключьям тишина:
Везде с волной сшибается волна,
Катясь, растут лавины звуковые.

А мы одни. Иноязычен лес,
Презрительно немотствует Россия
И нашего не слышит «S. O. S.»

ШЕЛКОВИЧНЫЙ ЧЕРВЬ

Ю. Крузенштерн.

Паутину нежную, клейкую,
матерьял отличный,
извиваясь невидной змейкою,
производит червь шелковичный
из себя самого
(Больше нет ничего).

Те же клейкие строки, поводы
для чужих раздумий,
создаю, на тризну, на проводы
с каждым годом идя угрюмей,
из себя самого
(Больше нет ничего).

ВИТРАЖ

Взмахнет крылом надломленным не скоро
Тень грузная от пыльного креста:
И в праздники теперь полупуста
Часовенка святого Христофора.

Зато жужжит под сводами собора
Болтливая людская суета,
А статуя, несущая Христа,
Застенчиво не поднимает взора.

Лишь у окна полуденной порой
Жен праведных я застагаю рой
Счастливее освобожденных пленниц:

Их жизнь опять жива, а смерть мертва,
И тянется улыбчивый Младенец
К затейливым игрушкам мастерства.

ТВОРЧЕСТВО

Глебу Струве.

Разве каждую ночь у нас
посещение тайфуна — духа?
Встретим гостя зоркостью глаз,
заостреньем тайного слуха.

Глухоту, слепоту и лень
провозможем в усильи бденья:
неизбежный замедлим день
предрассветной бурей раденья.

Пять, и десять, и двадцать раз
рифмы сменим и переставим:
где добавим чуть-чуть на глаз,
где — на слух — немного убавим.

Если ж мудрый огонь потух,
отстают и рука и ухо, —
опечаленный, выйдет дух,
не прощая хулы на духа.

ТРИ КАРТИНЫ
МАРИИ МАРГАРИДЫ ДЕ ЛИМА СОУТЕЛЛО

I. РУКИ

Заломлены или никнут,
или стиснуты в кулаки, —
а ведь тоже потом привыкнут
к железной хватке тоски.

Протянуты, словно ветки,
к дверям выходным . . . Но нет:
никто не уйдет из клетки
кому-то большому вслед.

II. BERCEUSE DE L'ENFANT MORT

Мир и зыбкий, и шаткий
вязких песков и ила
на спинку узкой кровати
склонившись, переложила.

В тесном мирке дощатом
чем ты играешь, мальчик?
На одеяле несмятом
ждет игрушечный зайчик.

III. ДЕВОЧКИ-СОСЕДКИ

Возле моря утро прохладное.
Собрались на одно крыльцо
белая, черная, шоколадная —
три расы. Одно лицо.

Шоколадная, черная, белая,
и у всех свежа и чиста
расцветающая, несмелая
человеческая красота.

А к полудню жара тлетворная
их разделит. Уйдут с крыльца
шоколадная, белая, черная —
одинаковые сердца.

СПОР

Друг, оборвем дискуссию:
Россия — наша вотчина,
решать за Белоруссию
Москва уполномочена.

Народишки бесправного
боялись Понятовские,
а смерда православного
влекли дары московские.

Стал царь, казня и жалую
и мир суля окраинам,
«Великія и Малыя
и Бѣлыя» хозяином.

Присвоена Эстония,
раздавлена Молдавия, —
и выросла Поклония,
Позория, Бесславия!

Ползком — и не оглянется,
а позади — история:
сиротка, бесприданница,
старушка Терпигория.

Д Ы М

Все наши горести и странности
и мнимых крыльев облака, —
всей жизни вычурные туманности
развеет ласковая рука.

И в утро розово-спокойное
на дым долинный посмотри:
ужели участь нас недостойная —
пылать и гаснуть в лучах зари?

УЛИТКА

Ласковые наименованья —
утро, солнце, счастье и весна —
утопила в пропасти сознания
ночь, уже четвертая без сна.

Длится нескончаемая пытка,
длится, тянется — исхода нет:
медленная серая улитка
вновь переползет через рассвет.

ЭПИГОНЫ

Была земля прекрасней и моложе,
невинней был и проще человек,
который засыпал на жестком ложе
невдалеке от перевозданных рек.

Ему не лгали девственные краски,
его не искушала крутизна:
чудесные рассказывала сказки
ему большая, близкая луна.

Смирялись молнии, смолкали громы,
когда поэт, похожий на царя,
за вдохновеньем шел тропой знакомой,
с природою, как равный, говоря.

Как он велик, тот первый, светлолицый,
который радугу назвал мостом,
закатом — смерть, большое счастье — птицей,
огнем — любовь, и женщину — цветком!

Теперь иначе. Солнце жизни гаснет.
И мы, поэты сумерек и зим,
не веря в сказки, сочиняем басни,
не видя звезд, о хлебе говорим.

Единый голос нам уже неслышим,
единый лик дробится в зеркалах.
Мы не творим, но равнодушно пишем
стихи о книгах, книги о стихах.

СТРОЙКА

В Соловках и Потьме
и на льду Колымы
взаперти, в полутьме
гибли с голоду мы.

Сварщик слеп и мигал,
замерзал дровосек,
грузчик изнемогал
с верой в будущий век.

С верой в будущий рай
без никчемной любви:
если слаб — умирай,
если крепок — живи.

Кто не вытерпит мук —
пусть веревку на крюк,
чтобы чей-нибудь внук
не остался без брюк.

Всея послужим душой,
всею крепостью жил,
чтобы правнук чужой
не по-нашему жил.

Чтоб он грелся в Крыму
рядом с рыхлой кумой,
рай построим ему
Колымой и Потьмой.

РЕМЕСЛО

Герой труда не ищет вдохновенья:
Едва ли мы взлетаем в облака.
Нас некая железная рука
Направила на путь стихосложенья.
Акrostихов — хитрейшего плетенья —
Для нас игра нисколько не мелка,
И мы кладем любовно на шелка
Искусные цветы воображенья.
Поэзия — не хаос и не бред,
А ремесло. Ни муз, ни крыльев нет,
Ни ангелов на поприще поэта.
И жаль, что мне для нового сонета
Не задана последняя строка!

Э К Р А Н

Я пляшу на переднем плане,
я мечусь (огромный вблизи).
Что же, мир? На моем экране
незаметным и ты скользи!

Это всё на игру похоже:
ведь, ничуть о том не скорбя,
мир не видит меня — и тоже
из-за тени: из-за себя.

КИТАЙСКОЕ ПОВЕРЬЕ

Если волком судьба, или ежом письмо,
ляг скорее в постель, помня, что за тебя
верный вступится друг — зверь баснословный «мо»:
этот надежный друг нас бережет, любя!

Так скорее усну и унесу с собой
ненасытных гиен, боль и ежа-письмо.
Мне готовится день теплый и голубой:
все недобрые сны съест неотступный «мо».

МУЗЫКА

Герцогине
Надежде Николаевне
Лейхтенбергской

Над клавишами вознесенные,
мелькнули руки — два весла,
и вспенились тяжелозвонные
подводные колокола.

И я плыву, подхвачен шквалами —
о море, дальше уноси! —
за островами небывальными,
обещанными Дебюсси.

Волна взлохмаченная вымысла
меня уносит — но куда?
Баюкает, и снова вынесла
на берег сонного пруда.

Там лотосы толпой пленительной
растут сквозь музыкальный ток,
и дорог мне неосмотрительный
ближайший к берегу цветок.

Он чашу подает прохладную,
приподнимаясь на носки,
чтоб жертвенность я принял жадную
рывком стяжательной руки.

И хищная рука не падает:
миг, и всё то, что так люблю,
что сердце ветренное радует,
непоправимо погублю...

Но пьесы странной и мечтательной
уж истощился водопад,
и чем-то на вопрос внимательный
я отвечаю невпопад.

И снова — кресла полукруглые,
беседы медленный уют,
а там другие руки, смуглые,
мой верный лотос оборвут.

ВАНЬКА-ВСТАНЬКА

Худой и хрупкий от природы,
но с сердцем будто из свинца,
нелегкие я прожил годы
всегда в преддверии конца.

Не раз бушующего века
меня сбивал девятый вал,
и часто, веря в человека,
я с толку сам себя сбивал.

На лапы двух драконов красных,
на безнадежность несмотря,
ловушек я избег опасных
и посуху прошел моря.

Надменной, суше и упрямей,
ни с кем я рая не делю,
но осень за семью морями
не знаю чем остановлю.

Не нынче ли, когда медвяный
луг покорился желтизне,
я — ванька-встанька деревянный —
лежать останусь на спине?

Д Е Н Ь

Сквозь наклонившийся плетень
прокрался луч веселой змейкой,
подкрался и ужалил тень,
дремавшую перед скамейкой.

Стыдливо вспыхнула трава
навстречу ласкам разомлелым,
и полымем взялась листва,
задетая косым прицелом.

Во всем, от чашечки цветка
до крыльев бабочки недвижимой,
в слепящем золоте песка,
в дремотности страницы книжной —

грузна полуденная лень.
И в памяти укрыл давно я
обыкновенный этот день —
рябой, с подпалинами зноя.

НЕЛЮДИМ

Вам — в узкой аллее
задеть бы плечом,
толкнуть побольнее,
а мне — нипочем.

Вам — вилы и грабли,
станки, молотки,
мортиры, да сабли,
а мне — не с руки.

Вам в праздник плясать **бы** —
размеренный круг:
крестины, да свадьбы,
а мне — недосуг.

Нечасто за чашей
я с вами — одно
в сумятице вашей,
но все-таки, *но* —

туда, где в безводной
пустыне родник,
вам — тропкой обходной,
а мне — напрямик!

РОССИЯ

Ты — скифское раздолье ураганам,
Ты — с полюса сползающий ледник.
Ты движешься на мир машин и книг,
Грозя ему морозом и туманом.

Ты ширишься холодным океаном,
Конквистадор, святоша, ростовщик,
Святой пророк — и гнусный еретик,
Всегда вперед, где силой, где обманом.

Любить тебя? Себе я не солгу:
Тебя любить я больше не могу,
Но, связанный таинственной судьбою

С тобою, как с болезнью, как с горбом,
Троянец сам, разрушить эту Трюю
Хотел бы я, измученный стыдом!

СОДЕРЖАНИЕ

Заповедник	7
Бразильская весна	8
Перстень	9
Моль	10
Ангельский язык	11
Верховья	12
Сонет	13
Воздух	14
Точильщик	15
Прощанье	16
Раскаянье	17
В день рождения	18
Колокольный звон из России	19
Паруса	20
Кольца	21
Устрица	22
Николин день	23
Наитье	24
Энтомолог	25
Поздний вечер	26
Зеркало	27
Бразилия	28
Боль	29
Алейжадиньо	30
Ученик	32
Второе зренье	33
Муха	34
На башне	35
Пожар	36
Маскотты	37
Вячеслав Иванов	38
Города	39
Напоминание	40
Мы плетем кружева	41
Холодная ночь	42
Орхидея	43
Идиллия	44
«Равнина»	46
Шахматы	47
Дом	48
Ветреная ночь	49
Халат	50
Золушка	51

Цесаревич Алексей Петрович	52
На далекой параллели	53
Эволюция	54
Камень	55
Туман	56
Озеро	57
Подорожник	58
S. O. S.	59
Шелковичный червь	60
Витраж	61
Творчество	62
Три картины	63
Спор	65
Дым	66
Улитка	67
Эпигоны	68
Стройка	69
Ремесло	70
Экран	71
Китайское поверье	72
Музыка	73
Ванька-встанька	75
День	76
Нелюдим	77
Россия	78

КНИГИ ВАЛЕРИЯ ПЕРЕЛЕШИНА

- В ПУТИ — первый сборник стихотворений (1937)
ДОБРЫЙ УЛЕЙ — второй сборник стихотворений (1939)
СКАЗАНИЕ СТАРОГО МОРЯКА — перевод поэмы С. Т. Кольриджа
(1940)
ЗВЕЗДА НАД МОРЕМ — третий сборник стихотворений (1941)
ЖЕРТВА — четвертый сборник стихотворений (1944)
ЮЖНЫЙ ДОМ — пятый сборник стихотворений (1968)
СТИХИ НА ВЕЕРЕ — антология китайской классической поэзии (1970)
КАЧЕЛЬ — шестой сборник стихотворений (1971)

ПРИГОТОВЛЕНЫ К ПЕЧАТИ

- ЛИ САО — перевод поэмы Цюй Юаня (с китайского)
ДАО ДЭ ЦЗИН — стихотворный перевод (с китайского)
ЦАРЬ САУЛ — драматическая поэма
ДУХОВНАЯ ПЕСНЬ — перевод поэмы св. Иоанна от Креста (с испанского)
ТЕНЬ НА ЗАНАВЕСКЕ — вторая антология китайской классической поэзии
ЮЖНЫЙ КРЕСТ — антология бразильской поэзии
СЛЕДЫ НА ПЕСКЕ — сборник персидских четверостиший и газелл
С ГОРЫ НЕВО — сонеты — восьмой сборник стихотворений

Сборники «Южный Дом», «Стихи на веере», «Качель» и «Заповедник» могут быть приобретены от

Possev-Verlag, Frankfurt/M. - Sossenheim,
Flurscheideweg 15, Germany

Sr. V. F. Salatko-Petryshche:
229, Rua Djalma Ulrich, apto. 802.
20 000 Rio de Janeiro (37), Gb., Brasil